

УДК 812 82 (1–87)

А.В. Тарарак

НАПОЛЕОН В СТИХАХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

После книги Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» в русской литературе, казалось бы, интерес к личности Наполеона был исчерпан. Среди публикаций, актуализированных столетним юбилеем Отечественной войны 1812 г., выдающиеся произведения назвать сложно. Как справедливо пишет О.В. Соколов, на рубеже веков Наполеон «потерял дьявольский облик захватчика и тирана, став почти что ”своим” героем. Впрочем, романтические восторги 30–40-х годов XIX века также в основном ушли в прошлое. Прозаики же после Л.Н. Толстого почти не обращаются более к образу

А.В. Тарарак, 2014

императора французов, если не считать ряд второстепенных произведений или короткий рассказ А.И. Куприна "Тень Наполеона" (опубликованный уже после революции в эмигрантской печати в Париже), где в шуточной манере рассказывается о подготовке празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года» [4, с. 616]. Русский символизм откликнулся на европейский наполеоновский миф не только апологетическими страницами книги Д. Мережковского, но и стихами Вяч. Иванова, о которых с исчерпывающей полнотой написала Л.В. Павлова [5, с. 95-105], и В. Брюсова.

Нельзя обойти внимание и развенчание наполеоновского мифа в его романтическом и неоромантическом варианте, которое шло в русле общей эстетики футуризма. Но без предшествующей литературы, в которой устоялись определенные и хорошо внятные поэту смыслы, это было бы невозможно. Сакральный смысл наполеоновского мифа («славится столетий сто») давал возможность, скажем, В.В. Маяковскому опереться на него и стать вровень, а то и превзойти масштаб личности лирического героя, его возможностями в преобразовании нового мира. Можно говорить, что в своем понимании поэт оказался ближе к Л.Н. Толстому, видевшему в Наполеоне посредственность и выскочку. Не случайно такими чертами был наделен ненавистный В.В. Маяковскому премьер-министр Временного правительства.

В стихах И. Северянина выражено представление о себе как о величественном и великолепном, которому подвластно все, как и великому завоевателю. Свое время поэт сравнивает с эпохой императора, а его лирической герой такой же сильный, могущественный и прекрасный, как и у В.В. Маяковского, и переживает перевоплощения в самых великих героев. Но если у И. Северянина эксплуатируется «старый» миф о покорителе народов (я как «возрожденный Бонапарт»), то у В.В. Маяковского он развенчивается и иронически снижается. Средством для этого является полемика с одним из создателей русского литературного наполеоновского мифа М.Ю. Лермонтовым. Наряду с этим, параллельно с таким восприятием Наполеона – стихи М. Цветаевой, буквально влюбленной в него. Цель

данной статьи состоит в том, чтобы наметить пути восприятия и интерпретации европейского наполеоновского мифа в стихах Серебряного века.

Совершенно очевидно, что сакрализация образа сверхчеловека, осуществленная Д. Мережковским, в литературе не укоренилась. Свою идею он сам углублял в книге «Наполеон», вышедшей уже в эмиграции. Его современники видели завоевателя иначе. Так, В. Брюсов в самом начале века пишет стихотворение «Наполеон», в котором дает яркую картину внезапного восхождения, блистательного пути и гибели героя. Как и русские романтики, он упоминает о «Роке» и «силах», орудием которых он был:

Ты скован был по мысли Рока
Из тяжести и властных сил:
Не мог ты не ступать глубоко,
И шаг твой землю тяготил [2, с. 75].

Поэт говорит, что Наполеон вошел в память поколений, несмотря на то, «что строилось трудом суровым, / Вставало медленно веках, / Ты сокрушал случайным словом, / Движеньем повергал во прах» [2, с. 75]. В. Брюсову, как и для поэтам-романтикам, Наполеон видится несокрушимым героем, побеждавшим благодаря «счастью», т.е. избранничеству. Однако в стихотворении поэта возникает и иное истолкование: Наполеон – игрок, который «мировое самовластье / Бросал, как ставку игрока» [2, с. 75]. Он опьянен славой, одерживает победу за победой так, что «стало, наконец, вселенной / Невозможу носить тебя» [2, с. 75]. Здесь также звучит свойственное поэзии романтиков понимание явления Наполеона как иноприродного, выдающегося, особого, с которым способна справиться лишь «земля»:

Земля дохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханье гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью
И пал, бессильный, на утес... [2, с. 75].

Финал стихотворения созвучен стихотворениям эпохи романтизма, в которых место захоронения Наполеона представлено в отвлеченных образах одинокой скалы, утеса, бьющейся волны и пр.

Совершенно иной, казалось бы, память о Наполеоне представлена в стихотворении «Наполеон» (1912) В.И. Стражева. Дед с мальчуганом, бродя по России, поют народную песню о завоевателе:

... в песнях Руси здесь, над Волгой,
 Как странно-дивен образ Твой!
 О, как таинственно и долго
 Вершится жребий роковой! [6, с. 620].

Несмотря на иной сюжет, у поэта понимание загадки Наполеона так же, как и в преобладающем количестве стихотворений, связано с неведомой властью рока – «жребий роковой». В следующей строфе оно усиливается: «... но ей угодно, / Твоей играющей судьбе...» [6, с. 621]. Поэт удивлен тем, что в народной памяти через «век» сохранилась память о завоевателе, о котором бродяги «поют в поволжском кабаке, / Как над пылающей Москвою / ”Стоял Ты в сером сюртуке”» [6, с. 621]. Среди стихотворений о Наполеоне это едва ли не единственное, в котором речь идет о закреплении памяти о завоевателе в народной памяти. В нем личное ощущение поэта почти незаметно, в отличие от стихотворений М. Цветаевой, в которых все, что связано с Наполеоном, окрашено страстной причастностью.

В середине 1930-х гг. она признавалась в письме к А. Тесковой: «С 11 лет я люблю Наполеона, в нем (и его сыне) все мое детство и отечество и юность – и так шло и жило во мне не ослабевая, и с этим – умру. Не могу равнодушно видеть его имени...» [цит. по: 4, с. 625]. В эссе «Живое о живом» интимное ощущение окрашивает не только память о Наполеоне и его сыне, но и восприятие Парижа, в котором «заглавным N» украшены здания, и интерьер комнаты, где «богоматерь заставлена Наполеоном» [с. 633]. Можно сказать, что М. Цветаева не только была восприимчива к наполеоновскому мифу, но и была его со-творителем. В стихотворении «В Париже» (1909), как и в прозаическом тексте «Живое о живом», передается острое чувство одиночества и горькой потери, прочитываемое в деталях и ассоциациях. Хотя в стихотворении нет ни слова о Наполеоне, поэт обозначает семантическое поле, в котором возникает индивидуально-личное отношение к его сыну. Как часто в поэзии М. Цветаевой, оно связано с претекстом,

причудливо воспринятом и интерпретируемом поэтом. Так, в стихах дается отправная точка: «И в сердце плачет стих Ростана» [4, с. 627], а в прозе – своего рода комментарий к нему: «... сплошь – личное, сплошь – лишнее: о Наполеоне, любимом с детства, о Наполеоне II, с Ростановского ”Aiglon”, о Саре Бернар, к которой год назад совалась в Париж, которой там не застала и кроме которой там все-таки ничего не видела, <...> о том Париже, <...> о Его Париже, о моем Париже» [4, с. 632]. Восприятие личности сына Наполеона связано с пьесой Э. Ростана «Орленок», написанной в конце XIX в. и поставленной в 1900 г. в театре Сары Бернар.

Как известно, пьеса о сыне Наполеоне герцоге Рейхштадтском написана не в героическом, а в сентиментальном духе, о чем свидетельствует и ее название. Юный герой не способен победить резоны большой политики и обречен на гибель, хотя, так сказать, моральная победа остается на его стороне. Строки М. Цветаевой – «Rostand и мученик Рейштадский / И Сара – все придут во сне!» [4, с. 627] – свидетельствуют о том, что ее восприятие образа сына Наполеона неразрывно связано как с текстом пьесы, так с ее литературной и театральной интерпретацией. В научной литературе, посвященной М. Цветаевой, а также в воспоминаниях о ней описано ее отношение к постановке этой пьесы, которую она посмотрела, о попытке ее самоубийства на этой почве и т.д.: не будем останавливаться на этом сюжете подробно. Обратим внимание на то, что сын завоевателя занимал в ее сознании куда большее место, чем его отец.

По общему признанию исследователей, М. Цветаева восприняла пушкинское отношение к Наполеону. Во всяком случае, стихотворения, рассмотренные в контексте ее восприятия Пушкина, это подтверждают. В то же время, судьба Наполеона, полагает Е. Айзенштейн, накладывалась ею на судьбу реальных людей, прежде всего, ее мужа. В публикации исследователь приводит стихотворения М. Цветаевой, которые имеют отношение к наполеоновской теме, и приходит к выводу о том, что поэтом создан миф о Наполеоне: «“Я, в жизни, любила Наполеона и Гёте, т.е. с ними жизнь прожила” (VII, 602), – объясняла Цветаева в 1936 году поэту А. Штейгеру. Среди последних записей

1941 года – строки об отверженности, одиночестве, о Наполеоне: “Сейчас – во мне – лютая тоска по неродине: Франции. <...> Мария Стюарт, Наполеон, не глядевший с корабля, я – ваша”. Действительно, миф о Наполеоне прошел через всю жизнь Цветаевой. Она не разочаровалась в Наполеоне и в самые трагические дни, когда диктатура свирепствовала в СССР и миллионы людей страдали от власти другого тирана. Цветаева видела в Наполеоне сверхличность, страдавшую, погибшую, одинокую. Наполеон для нее – фигура титаническая, мифическая, поэтическая» [1]. На наш взгляд, точнее будет говорить об индивидуальном изводе мифа, в котором свое место заняло и влияние «Воздушного корабля» Лермонтова, сказавшееся в стихотворении «Окно раскрыло створки» (1935), и чтение книг, посвященных Наполеону и его сыну, и географические координаты, связанные с жизнью и победами завоевателя, и пр.

В частности, в стихотворении возникают неуловимые переключки с лермонтовским «Воздушным кораблем». Поэт упоминает о скрещенных руках и взгляде императора: «Окно раскрыло створки – / Как руки. Но скрестив / Свои – взирает с форта...» [1]. В стихотворении Лермонтова: «Скрестивши могучие руки» [3, с. 193], как, впрочем, и в других стихотворениях русского романтизма, в которых скрещенные руки стали узнаваемой деталью облика Наполеона. М. Цветаева усиливает фрагмент стихотворения предшественника, в котором говорится о глазах вставшего из гроба героя: «Глядит – с такою силой, / Так вглубь, так сверх всего – / Что море сохранило / Навек – глаза его» [1]. У Лермонтова – «И только что землю родную / Завидит во мраке ночном / <...> очи пылают огнем» [3, с. 193]. М. Цветаева не создает такой развернутой картины, как автор «Воздушного корабля», а выхватывает несколько символических деталей, создавая, вместе с тем, выпуклый и ясный образ героя.

После М. Цветаевой сложно назвать какого-нибудь другого поэта той поры, кто так страстно и увлеченно возвращался к образу Наполеона. Пожалуй, она была последней, кто не только возрождал, но творчески развивал европейский наполеоновский миф, давая ему индивидуальное, почти интимное прочтение. Русская литература

той поры к этому мифу была, в сущности, равнодушна: его место занимали иные мифы. Об этом свидетельствует и развенчание Наполеона в поэзии русского футуризма, и перемещение наполеоновской темы из художественной литературы в публицистику.

Литература

1. Айзенштейн Е. «Земли чудесной посетитель»: Миф Цветаевой о Наполеоне / Е. Айзенштейн // Нева. – 2012. – № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/8/a10.html>.
2. Брюсов В. Наполеон / В. Брюсов. Избранное [Сост., вступ. ст. и прим. А. Козловского]. – М.: Правда, 1982. – С. 74.
3. Лермонтов М.Ю. Соч.: в 2-х тт. / М.Ю. Лермонтов. – М.: Правда, 1998. – Т. I. – 720 с.
4. Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 1088 с. (Русский Путь).
5. Павлова Л.В. «Наполеоновский» комплекс образных парадигм в творчестве Вячеслава Иванова // 1812 год в истории России и русской литературы. Мат. Всероссийской научной конференции / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. С. 95-105.
6. Стражев В.И. Наполеон / В.И. Стражев // Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 620-621. (Русский Путь).

Анотація

О.В. Тарарак. Наполеон у віршах Срібного віку.

В статті здійснено спробу проаналізувати особливості інтерпретації наполеонівського міфу в поезії Срібного століття. Зауважується, що російський символізм відгукнувся на європейський наполеонівський міф не тільки апологетичними сторінками книги Д. Мережковського, але й віршами В'яч. Иванова та В. Брюсова. Розвінчання наполеонівського міфу в його романтичному та неоромантичному варіанті відбувалося в руслі загальної естетики футуризму. Але це було б неможливо без попередньої літератури, в якій склалися сталі та добре зрозумілі поету сенси. У І. Северяніна

експлуатується «старий» міф про підкорювача народів, а у В.В. Маяковського він розвінчується та іронічно знижується. Засобом для цього є полеміка з М. Лермонтовим. Поряд із цим, паралельно з таким сприйняттям Наполеона виникає неоромантичне осмислення наполеонівського міфу М. Цветаєвою, яка творчо розвивала його, надаючи йому індивідуальне, майже інтимне осмислення. Російська література тієї пори була майже байдужою до цього міфу: його місце займали інші міфи.

Ключові слова: наполеонівський міф, індивідуальне осмислення міфу, неоромантична інтерпретація, іронічне зниження.

Аннотация

А.В. Тарарак. Наполеон в стихах Серебряного века.

В статье анализируются особенности интерпретации наполеоновского мифа в поэзии Серебряного века. Отмечается, что русский символизм откликнулся на европейский наполеоновский миф не только апологетическими страницами книги Д. Мережковского, но и стихами Вяч. Иванова и В. Брюсова. Развенчание наполеоновского мифа в его романтическом и неоромантическом варианте шло в русле общей эстетики футуризма. Но без предшествующей литературы, в которой устоялись определенные и хорошо внятные поэту смыслы, это было бы невозможно. У И. Северянина эксплуатируется «старый» миф о покорителе народов, а у В.В. Маяковского он развенчивается и иронически снижается. Средством для этого является полемика с М.Ю. Лермонтовым. Наряду с этим, параллельно с таким восприятием Наполеона возникает неоромантическое прочтение наполеоновского мифа М. Цветаевой, которая творчески развивала его, давая ему индивидуальное, почти интимное прочтение. Русская литература той поры к этому мифу была, в сущности, равнодушна: его место занимали иные мифы.

Ключевые слова: наполеоновский миф, индивидуальный извод мифа, неоромантическая интерпретация, ироническое снижение.

Summary

O. Tararak. Napoleon in the Russian poetry of the Silver Age.

We analyze in our article the special aspects of Napoleonic myth interpretation in the Silver Age of the Russian poetry. It is marked, that the Russian symbolism answered the European Napoleonic myth not only with the help of Merezhkovsky's apologetic book pages, but also with the Vyach. Ivanov's and V. Bryusov's poetry. The dethronement of the Napoleonic myth in its romantic

and neo-romantic edition happened in the tideway of common futurism aesthetics, but it could be impossible without the preceding literature, with the long-standing formed meanings, which the poet understand very good. I. Severyanin is using the «old» myth about the conqueror of the nations, but V. Mayakovsky dethroned it and decreased it ironically. The tool for it is his polemic with M. Lermontov. At the same time, parallel to such an perception of Napoleon appears a neo-romantic Tsvetayeva's understanding of the Napoleonic myth, who developed it creatively and gave to it an individual understanding. The Russian literature of that time was properly indifferent to this myth: other myths were on its place.

Key words: Napoleonic myth, individual myth understanding, neo-romantic interpretation, ironic decrease.